

Баир Жамбалов

Чудовища разума

12+

Баир Жамбалов

Чудовища разума

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Жамбалов Б. В.

Чудовища разума / Б. В. Жамбалов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В книге "Чудовища разума", что подразумевает собой научно-технические, технологические достижения человеческой цивилизации, любознательный читатель встретится с удивительными вещами из разряда будущего: планирующий скейтборд, одежда-невидимка, браслет-компьютер. Читатель узнает о такой грани медицины будущего, как редактирование генома, клонирование, имплантация феноменальной памяти. И также читатель окунётся в далёкое прошлое отрезком в пять тысяч лет, чтобы увидеть изначальную пирамиду Хеопса, когда она на всю округу ярко блистала сияющей позолотой, что и было одним из чудовищ разума.

© Жамбалов Б. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

1

Его, столь юного, успела побить жизнь, можно так сказать, в переносном смысле. Но сегодня побили в прямом смысле этого слова, так, ударили один раз, всего один раз, но так, что он кувыркнулся через голову и распластался на асфальте. Однако, нокаута не случилось.

Его отца, уже идущего к старости, много раз успела побить жизнь, его и сейчас в очередной раз побила жизнь, побили его в прямом смысле этого слова, но не один раз, но так, что он весь в крови, уселся едва ли на скамейку, что притулилась рядом. Однако нокаута не случилось.

Решил заступиться за отца, да какое там. А кому он должен был? Наверное, многим. И вот этим, сколько их, что проходили мимо. Или кому-нибудь одному из них, что проходили мимо. Не понять...

Его, юного, успела побить жизнь, немного ли, но побить, хотя бы для начала тем, что его отец, когда он был ещё маленьким, когда ещё учился в начальных классах, начал пить вот эту горькую. Для начала, может быть, и пил немного, но потом и засосала его вот такая тягучая трясина постылой жизни, над которой горестно тяжёлым смогом и нависнет вот этот шлейф от постоянного ли пьянства, одного из серо сумрачных граней вечного ли бытия.

Эти побившие уходили, среди которых как-то угадал таки двоих знакомых, с которыми, в общем-то, изредка, да и мог кивнуть головой в знак приветствия, и не более того. оставалось привстать, встать и доковылять до скамейки, утешить ли отца. Так и присел рядом, не успокоения ради, когда самого, глаза его так и застилали слёзы, горькие слёзы обиды.

Учился он твёрдо на «хорошо». И это в последнем выпускном классе. За его ответы на уроках, за его знания запросто можно было бы ставить и повыше балл, оценки, что выдвинули бы его к тем, что в круглых отличниках идут на медаль. Но нет. Наверное, какое-то предубеждение. Ибо он по жизни этой и есть сын пьяницы, алкаша.

Сквозь слёзы, застилавшей глаза он видел очертания двоих, посторонних, совершенно посторонних. Они остановились недалеко от скверика, недалеко от той скамейки, обратив внимание на них, жалких, беспомощных. Потому стоило отвернуться, взгляд отвести, и пусть пройдут мимо по своим делам. Но что-то заставило его помедлить вот с таким отводом стыдливых глаз ли. То заметил он в таком его положении, когда находится на дне всякого статуса пристальный взгляд ли, но красоту, именно красоту сквозь пелену. О-о, то была красавица в этом ненужном месте в ненужное время, отчего его позор, его беспомощность, его жалкое существование этого мига лишь удваивались, умножались. Рядом стоящего, точно мужчины, и притом немолодых, далеко немолодых лет, вот его взгляда постарался избежать.

Ситуация продолжала набирать оборот тем, что из той компании, что вот так задела их, возвращались двое: один совсем шкет, другой постарше, уже вступивший в пору взрослости.

– Эй, мужик, а часы-то забыли, – чрезмерно нагловатым тоном шкет потянулся к запястью отца, где проблеснул едва ль позолоченный браслет от часов, некогда подаренные ему на день рождения.

При виде красавицы, её взора и вызгралось мужество, что никогда не гостило в душе его, потому он постарался пресечь данную мерзость, потому постарался схватить этого плюгавенького шкета за его юную руку от души, что ступила, вкусила прелести пути извилистого. Но был отражён тем, кто был постарше, когда кулак его чуть не пригвоздил его обратно к асфальту. Нокаута не случилось, сознание чуть с завихрением, продолжало констатировать их с отцом полную беспомощность, ибо отец в полупьяном состоянии и не подумывал о том, чтобы отстоять вот эту собственность, которая, однако, была дорога ему.

И быть так по желанию этого гнилёхонького шкета и его крепкого соратника по мерзости, как случилось что-то из ряда непредвиденных. Шкет этот заболтался в воздухе, будто прицеплен, подхвачен краном. То была рука, крепкая рука того, как догадывался он, что стоял рядом с незнакомкой, красавицей. То был тот самый в возрасте, волевое лицо точно воина,

предстало теперь уж явно отчётливо. Ещё секунда, и этот шкет от пинка в окружность пятой точки, отлетал, невольно проделав в воздухе изрядное сальто ли, кульбит, что-то из элемента акробатического. И бултыхнулся в придорожную пыль. И старшего, более крепкого последовала такая же участь. Так же пушинкой был приподнят, так же как бы подстрелен по тому же заднему месту, всё-таки, крепкого тела, что будто камень вылетел из пращи. Однако, ему предназначался более внушительный пинок, что явно и не обойтись без ушиба тазобедренных костей, что отдалось стоном ли крикливым.

Дальше по предсказанному сценарию, почувствовав силу, поспешили эти двое не на побег, но на выручку точно. Если двоих можно, то попробуй толпу? Долго ждать всей компании, посреди которой затесались двое знакомых, не пришлось. Подходили все они настороже, предъявив бдительность, но полны решимости, наказать.

И вот выходил из толпы ли здоровенный парень, мускулы настоящего атлета. Но и этот незнакомец, что встал на их защиту, несмотря на средний рост, и казалось сухощавость, был силен неимоверно, ибо из коротких рукавов футболки никак не скрыть широченные вены до локтя, (но почему в футболке в мартовскую погоду?) что сами за себя говорят, кричат о громадной физической силе. И пусть сухощавый. Это даже удваивает, умножает силу.

Вот так и встали они на обозрение. И в этот миг он взглянул лишь мельком на красавицу. А взгляд-то её и не выразил тревоги. Ага? Значит, понятно...

Вот так и встали они на обозрение. Парень из рода ли атлетов сжимал правой кистью нож, что должен в недалёком будущем, и обагриться кровью того, кто посмел...

А дальше случилось то, что он видел когда-то, и память в доли секунды воспроизвела ту боевую сцену с блистательным актёром из Гонконга, с самим Брюсом Ли из того фильма «Большой босс». Неуловимый взгляду удар ногой, как молния, взметнулся носком точно в тыльную часть кисти, что всегда отдаётся болью, будто током. Потому мгновенно разжалась кисть, и нож полетел, отлетел, шелестя не свистом, лишь лезвия искрящие блики от солнца в зените. Ещё доли секунды и второй удар, прямой удар ногой «мае-гери» из арсенала каратэ едва ль уловимо, точно росчерк молнии, пришёлся в челюсть оппонента, что раздробится. Скошен ли косой ковыль придорожный? В застывшем мгновении от тишины так и было, парень этот, что явился выражение зла, падал, грохнулся вперёд затылком, задней частью головы на асфальт, об асфальт, что позже отразился глухим ли звуком, будто свалился мешок с картошкой наполненный. А далее у этого подлеца начинается физиологически это интенсивное брожение вестибулярного аппарата с шевелением блуждающего нерва сердца. Нокаут! Когда же встанет? А на путь истинный...?

Толпа из подлых душонок обомлела. Инициатива упорхала. А была ли она? Сухопарый незнакомец не собирался останавливаться на этом. В глазах его так и возгорелись огни хищника, огни воина.

Крик разразился не раскатным громом, каким-то металлом, был не долгим, звук от которого убил бы мелких грызунов, мелкую живность. Ухо человека уловило, заставив сердцу встрепенуться, затем остыть ли в стуже заиндевелю студёнистой, что душа на парализацию, как и тело.

То был приём кун-фу «усиро гери», то был прыжок неистовости. Ибо незнакомец взметнулся вверх высоко, будто крутящимся волчком, как один оборот юлы стремительной на триста шестьдесят градусов, по, ровно рассчитанной дистанции до ближайшего соперника из толпы. На пике взлёта произвёл, опять как молния, стремительный удар пяткой круговым движением снаружи внутрь. Сравним ли удар с выстрелом из пистолета, что пришёлся боковой поверхностью стопы в район над челюстью у переносицы, что мгновенно откинулась голова назад, оторвав не крепкие ноги от асфальта, и опять же затылком навстречу ох какой твёрдой поверхности под силой уж феноменально резкого удара, вдобавок под силой вездесущей гравитации. Опять, же, как мешок картошки и звон глухой.

Бой продолжился. То был ли жестокий разум тела, феноменально тренированного тела? Удары ногами «гари вадза», из арсенала каратэ, как и удары от рук с траекторией движения из бокса, в котором и хук, и апперкот. И всё в одну сторону, что не могла, не смела на сопротивление. Этот незнакомец, скорее, он был высокоорганизованный робот, высокоинтеллектуальный механический андроид, запрограммированный по последней высочайшей ступени виндовс майкрософт с высочайшей оперативной памятью.

Спустя миг и воздух над асфальтом был очищен от этой компании, лишь двое, уйдя ли от парализации, со всех ног давали дёру. За ними не погнался незнакомец, предоставив им наибольшую свободу выбора, посреди которых во главу угла и был поставлен, как можно быстрее, побег из данной ситуации, из данного поля действия, когда сотоварищи по злу лежат с опрокинутыми головами, что всюду заметался блуждающий нерв сердца. Эти двое и были его знакомыми. Однако ж, кое-какой слух обеспечен.

Кажется, впервые в жизни сквозь пелену застилающих слёз у него забрезжили первые ростки ясного рассвета в и так уже довольно мрачноватой юной жизни.

Тем временем этот, по виду вроде бы даже пожилой возрастом, незнакомец и она, неожиданная красавица в неожиданном месте, уходили. Ещё немного миг, и скрылись за поворотом сквера. Будто испарились...

2

На следующий день пришёл в школу как обычно, как всегда. Хотя, не как обычно, не как всегда, ибо оставался, был у него в душе вот такой шлейф отставленного эффекта от вчерашнего дня. Но это на душе, а внешне всё так оставалось как всегда обыденным. Так и стали проходить дни за днями в учёбе на ступени последнего одиннадцатого класса, когда он рекомендовал себя твёрдым «хорошистом». А что ещё надо этому парню, что выглядит для девчонок класса, однако, весьма заурядной личностью, такой вот неприметной кочкой.

По истечении нескольких дней стал замечать, что как-то оглядываются на него в коридоре и парни, и девчонки. Гадать не стоило, ибо становился понятен смысл, ибо возымело действие, что ни на есть простой, самый простой фактор, вот этот самый слух, вот эта сарафанная молва. Конечно, те двое, что еле унесли ноги от того монстра от единоборства, того чудовища, однако, образом, ликом человека, благородного человека.

Любопытство, переливавшееся через край, не преминуло разлиться, потому его спросили: «Кто он?», на что он ответил: «Знакомый...», что более усилило то самое любопытство.

Никогда не врал, но соврал. Почему? Зачем? Никогда не вравший, соврал. Может, и выиграла где-то его, в общем-то, чистой души вот это самое тщеславие или ещё что-то из этого рода. Но ведь почувствовал как-то, что и проявляется к нему немного от того, что называют «уважение». И как-то даже более светлым, более ясным стал весь окружающий мир. И эта девушка, незнакомка, её прекрасный образ, лик красавицы часто, а то и постоянно, когда голова не занята учением, возникал перед глазами. Встретится ли с ней, увидит ли когда-нибудь её? И что за случайность тогда была, всё больше походящая на невероятность? Была ль судьба тогда благосклонна...?

С радостным настроением, что бывало не так часто с ним, шёл он после уроков домой. Подходил к тому скверу, с которым у него теперь надолго останутся хорошие воспоминания, ибо здесь был в тот памятный день, а именно вчера, отомщён, как следует отомщён за былое, когда не только могли запросто нанести обиду, и что-то из этого ряда, или же от самого бытия, ввергающего в никчёмность и его, и отца, и семью, и всё, всё, что принадлежало ему. Ох, и страдальческая психология однако у него!

Впереди, немного в сторонке стояла какая-то девушка. И сразу воспоминание о той. Но почему о той? По мере приближения угадывались в ней черты той самой, именно той самой,

что предстала тогда перед ним через пелену слёз, застилавших тогда горестные глаза. Да, это была она.

Была ли в карих глазах её задумчивость какая-то, либо философское значение, могли ли выражать любопытство, но точно обладали добротой, что от этого и рождалась небывалая ранее с ним, рядом с ним аура такой вот сокровенной чистоты. Да, такая аура могла сделать с ним многое, могла сделать всё, ибо от такой ауры, как от благодатной почвы могли взойти ростки влюблённости, любви с первого взгляда. И конечно, красота, вот эта девичья, и от того ли такая первозданно искренняя, прекрасная, что сердце его забилося, кажется, никогда такого и не было с ним, нежные черты лица её, прямой линии нос обдали свежестью света притягательной красоты, что устоит ли он, удержаться бы. То в светлой белизне, едва оттенённой лёгким ли налётом солнечного загара, придавали здоровую свежесть кожи, как важнейшему атрибуту красоты, на что изначально филигранно и способна сама искусница-природа, ибо это и было, прежде всего, от природы, к которой изысканная косметика лишь могла добавиться в скромную спутницу, и не более. И природный румянец, что проступил едва ль на щеках её, как капля светло чистой росы в рассветном зареве наступающего дня, ясного дня. Но глаза, эти глаза..., отражением глубины ли несоизмеримой отразили, выражали (о!) именно и невероятно высоту ума, разума...

* * *

Он вглядывался вдаль. Он вглядывался на каменистое плато, над которым воображение возносило ввысь дворец вечности единого властителя, несубити – принадлежащего Тростнику и Пчеле. Это каменистое плато послужит прочным фундаментом самого дворца вечности. О, Хнум – создатель людей, бог творения, возрождения и плодородия, воды, вечернего солнца, покровитель опасных порогов великой реки! Услышь его мольбы, просьбы на благословение. Он вглядывался ли в будущее? Но дано ли, узреть за тот таинственный изгиб, за которым укрылась будущность, будущее...?

– Ты стоишь здесь от рассвета до заката. Уж вечер, за которым последует ночь под огнями от ночных костров всемогущих покровителей Нижнего и Верхнего царства. О, солнечные боги! – длинным выражением раздался, будто, каменный голос одного из верховных святых, именуемым Амун.

– Думаю, как исполнить волю небтауи – властителя обеих земель Хнум-хуфу, сына повелителя Снофру и его очарованной жены Хетперес, уж давно вознесшихся в кедровые просторы небесных долин.

– Отчего ж не построить в той стороне, в стороне Саккара и Дашуре, откуда к небесным долинам возвысились дома вечности Джосера и Снофру?

– Каменная земля послужит прочным фундаментом того творения, что ныне обретается в моём разуме, в разуме всего лишь служителя моему всемогущему владыке Хнум-хуфу, которому служу верно, преданно.

– Что ж, Хемиун, да обретётся светлым очертанием твоё будущее творение в ясном разуме твоём, что встретишь далеко, далеко не у всех в обоих царствах по берегам великой реки. И я постою, дабы усмотреть над каменным плато то, что пока кроется в разуме твоём, дабы узреть ли то, что за сложными изгибами будущих времён всегда да в трепет взбудоражит пытливые разумы из разных, разных народов...

Что за человек этот служитель всем богам, этот носящий имя Амун, что говорит само за себя о том, что носитель его и есть сокрытый, потаенный? От одного его взора в пору пылкости ли нрава его, дано оцепенеть, уйти ли телом, разумом от мира сего, от этого благодатного оазиса по обоим берегам великой реки. Похоже, он не собирается уходить, взирая на всю ширь каменистого плато, над которым он задумал...

В голове его рождался дворец ли вечности, великий ли монумент, которому суждено ли..., тогда как за сумрачным вечером в пору размышлений подступала тихой поступью ночь, обрамляя в черноту синеву ясного дня, затем фиолетовый купол, что всегда обратится небо после поры заката. И раз за разом зажигались костры солнечных богов, чем темнее, чернее, тем больше. Всегда так.

– Велико будет творение от твоего разума, велико... – прошептал ли служитель всем богам после долгого молчания в тишине и ушёл бы опять в тишину воззрения, но повернулся, некстати ли, немного в сторону, да ввысь, в черноту ночного неба, что Хемиун также взглядом невольно последовал за ним.

Пестрота мерцающих огней завораживала. Всегда так. И тогда, когда совсем малым, в те первые годы, когда и стал говорить первые слова, и тогда, когда обучался грамоте изысканной росписи, и ныне всё то же небо, и то же величие. И будет так, когда и засобирается к иным травам иных долин.

Он никогда не видел этого, никогда. Посреди множества мириад небесных огней один зашевелился и двинулся одиноко посреди всего неподвижного мерцания костров солнечных богов.

– В ночи, когда все улеглись с заботами о завтрашнем дне, лишь мы наблюдаем за блуждающим путником посреди застыло мерцающих огней. То можно ли говорить о звезде, подвижной звезде. Тебе не дано знать, не думай об этом. Тебя ждёт твой замысел, твоё творение, что обретётся в чудо, что переживёт всё, спящее ныне под чёрным небом ночных костров владык обоих царств, чудо, что заставит трепетаться сердца, пришедших со всего света за тем неведомым изгибом не пришедших лет, в которых и укрылось будущее...

3

Он не знал, что делать. Сделать вид, что не узнал её и пройти мимо. Но ведь и так незнакомы. Кивнуть и пройти мимо. Но ведь незнакомы. Уж лучше пройти мимо, не кивнуть, сделать вид, что не помнит её, заставшая его в тот день беспомощно барахтающимся в слизкой луже от несчастного обстоятельства, случайности такой экстремальной, в которой он оказался не героем, далеко не героем.

– Здравствуй, – неожиданно для его слуха донеслось приветствие, что заставило его и вздрогнуть, и остолбенеть.

О, это был дивный голос, как тон чарующий приятно плавной мелодии, голос, что истинно под стать её красоте! И потому невольно устремил глаза туда, опять навстречу взгляду.

Была ли в карих глазах её задумчивость какая-то, либо философское выражение, могли ли выражать любопытство, но точно обдавали добротой, что от этого и рождалась небывалая ранее с ним, рядом с ним аура такой вот сокровенной чистоты. Но взыгрались ли искорки в глазах её, что может, и снизошла она будто с небесной высоты, ступени, чтобы будто и встать рядом, жестом ли напутственным, давая ли ему дорогу, путь на сближение ли, что он кивнул едва ли робко, затем и исторгнул ли тоном тихим приветствие в ответ:

– Здравствуйте.

– Имею ли право остановить тебя, но если не спешишь, то можно поговорить, просто так, да хотя бы на той скамейке у скверика...

Ох, да когда бы мог подумать о таком подарке от своей судьбы, не сказать что ничтожной, но неприметной, не блистательной уж точно! Неужели...? О, дар судьбы! Да, он никогда не решился бы на такое! Светлая голова, может на круглые пятёрки, но довольствуется твёрдым «хорошистом», вот эта его светлая голова в придаток к слабой воле, робости и так далее. Не важен послужной список души. И вот такое вознаграждение!

Весеннее мартовское солнце пригревало. Вдвоём на скамейке. Мог ли мечтать об этом, о едва ль ощутимом дыхании её, ровном. О, несравненное ощущение! И о чём же говорить?

Вид его всегда как-то говорил, кричал о полной никчёмности его. Вот и сейчас, не успел насладиться ли неожиданно упавшим с небес ли даром, даром вот такого предстоящего общения, как к ним подходили двое, далеко не шкеты, постарше, притом солидные, да намного, интеллигентные на вид, однако студенты. Конечно же, привлекла их его неожиданная спутница, её красота, что никогда не укроется, не скроется, истинно великое природное предназначение. И потому, видать по их разумению, нечего делать рядом с таким сокровищем вот этому никчёмно серому пареньку, то есть ему, каким он выглядел в данный миг в глазах этих красавчиков бравых, шествующих, идущих важно по тропе до вожденной цели, что и есть высшее образование, не больше, не меньше.

– О, какая..., и Вы скучаете... – проворковал ли с налетом наглости один из них, крепкий видом парень, ничем не подав виду, что она не одна, вот так всем видом и подчёркивая несостоятельность её спутника на данный момент.

Опять его ударят, опять будет лежать в пыли асфальта? Но нет, уж лучше..., и сильно учащённое сердце неожиданно от взбудораженного разума решилось на то, о чём раньше никогда бы не подумал, не решился. Он умрёт, погибнет за своё, за миг этот с ней, за эту ауру! И потому сжались кулаки на битву не на жизнь...

А что же она? Но мог ли он увидеть в данный миг остроты истины, увидеть взгляд её, увидеть изменение цветности глаза, увидеть иную ли материю, иной ли горизонт событий в устрашающей бездне чёрной дыры, но увидели эти двое, которых сначала будто стужа, изморозь схватила. А затем ударило, побило ли по их разуму, что прицелились, вознамерились на ступень высшего образования.

Эти двое отворачивались, разворачивались и следовали дальше, будто и не было ничего, никого. Но каков посыл, приказ?! И ушедшая память данного мига, что никогда не потревожит и разум, и внутреннюю суть, далёкой до чистоты.

Могло ль настичь его удивление в пору устремлённости и разума, и сердца, в первый раз, пока единственный, вот так подвижные на подвиг ли души...? Но затем доходил до него значение произошедшего, обретающего смысл, и потому стоило, оглянуться ли в удивлении.

Всё та же красота продолжала господствовать, и та же аура возвращалась, чистая, сокровенная. Едва ль приспущены веки, и оттого ли чуть подчеркнул их налёт ли скромности, продолжая молчание, наступившую тишину, когда опять уединились. Но надолго ли? И хватит ли духу, когда опять то, же, состояние, как всегда.

– Тебя осенила, посетила благородность духа. Твоё имя, как тебя зовут? – нарушив прерванную тишину, говорила, спрашивала она и словами, и тоном, что вряд ли свойственно девушке, современной девушке.

– Эрик, – как-то кротко вырвалось у него из груди, когда уж покинуло его вот это неожиданно пришедшее свойство отважности духа, когда опять вот так и робок перед ней, перед данной ситуацией, вернувшейся в лоно тишины, спокойствия.

Всё так же прохладный чистый воздух ранней весны витал над ними, что в молчании будто любовались ещё голыми, тонкими, застывшими ветвями акации. И пешеходы разных возрастов, никак не замечая их, сновали по обе стороны от тротуара, неподалёку от которого расположилась скамейка у скверика. И длиться бы молчанию, но решился спросить он, спросить то, что заинтересовало его, о чём не раз задумывался он в эти часы от вчерашнего дня до этого ли мига: Но спросил, как и должен был, как и положено, как и есть, ибо как юноша уже упустил инициативу:

– А как тебя зовут?

– Евгеника, зови меня Евгеника. Так ближе к истине.

Странное имя, странный ответ. Но стоило ли задумываться, когда его понесло этим ветром общения на волне такой ауры, особенной, что уже спрашивал о том, о чём думал в эти дни, о том дне, когда и был спасён. И конечно, о единоборстве, синтезировавшем многие стили, и конечно о его феноменальном исполнителе, об этом возрастном человеке, об этом монстре единоборств. Потому его вопрос коснулся того дня:

– А кто он? Твой отец, родственник или...?

Конечно, мог спросить конкретно, как-то не подразумевая словом «или», но знал, что поймёт, хотя ждал ответа с надеждой.

– Старший товарищ, зови старшим товарищем, старшим другом.

– Он мне друг, – радостно вырвалось у него из груди, несмотря опять же на странность ответа, но стоило ли раздумывать над этим.

– Да, – кивнула она утвердительно, – он свяжется со мной в эти секунды.

При этом она – носительница странного имени Евгеника, но никак не Евгения, доставала мобильник, и точно через секунды раздалась мелодичная музыка. Но то, что стало происходить, ввергало Эрика в изумление: перед ними испускалось, распускалось бутонем ли цветистое свечение в спектральном обрамлении различных цветов. Перед ними оживала невероятная голографическая 3D картина в режиме онлайн в комбинации полос и интерференционных колец такой фазой амплитуды волн света. Электромагнитная волна в границах от инфракрасных до ультрафиолетовых излучений вычерчивала в мартовском воздухе круговую стереоскопическую панораму, что явилась точным воспроизведением 3D контента на базе безочковой технологии. Воздух ранней весны возбудился от лазеров, что испускал её мобильник, что засветились активированные атомы кислорода и азота, реалистично образуя трёхмерную скульптуру того, о ком только что говорили. То было парио, необыкновенное парио!

На них, на него смотрел тот самый монстр, тот самый мастер единоборств, взгляд которого, однако, излучал бликом доброту, а не те воинственные лучи воина, что сверкнули тогда от его глаз перед той демонстрацией филигранного мастерства от единоборства.

Конечно, с его, однако, довольно хорошими знаниями по многим предметам, включая и физику, доходил смысл, понимание того, что такое невозможно на современной стадии развития техники, технологии. Такой мобильник не изобретён ни в одной стране мира. Потому изумление продолжало полностью господствовать в его душе, разуме.

Но как-то и не было разговора между этим человеком и этой прекрасной девушкой со странным именем Евгеника. Кажется, они понимали друг друга без всяких слов.

Ещё не утихло изумление, не собиралось, когда она проговорила, говорила тихо, и слова её предназначались ему, Эрику:

– Это только начало. Будет другое...

4

Он вглядывался вдаль. Он вглядывался на то каменистое плато, над которым по воле его воображения вознёсся ввысь дворец вечности единого властителя, несубетти – принадлежащего Тростнику и Пчеле. Это каменистое плато послужило прочным фундаментом самого дворца вечности. О, Хнум – создатель людей, бог творения, возрождения и плодородия, воды, вечернего солнца, покровитель опасных порогов великой реки! Его мольбы, просьбы на благословение. Он вглядывался ли в будущее? Но дано ль, узреть за тот таинственный изгиб, за которым укрылась будущность, будущее...?

Двадцать лет строили, возводили его детище от разума, и вот он возвысился самым грандиозно высоким каменным сооружением человечества всех времён, всех народов. Разлив великой реки давал под его начало до ста тысяч рабочих из свободных людей Чёрной земли, свободных людей, ибо рабы не смели, и прикоснуться к самим камням, лишь поднося еду, воду

строителям великой стройки. И вот за двадцать лет будут вырублены, затем перенесены, возведены грубой физической силой и невероятной волей от упорства два миллиона триста тысяч каменных блоков, и также сто пятнадцать тысяч облицовочных плит.

И вот оно возвысилось на все времена, его творение, его чудовище от разума, превзойдя прежнее удивительное строение – дом вечности Джосера в Саккара этого врачевателя, этого учёного, именуемым Имхотеп.

Стороны великой усыпальницы Хуфу – владыки Верхнего и Нижнего царства соотнесены, как и задумал он, точно по четырём сторонам белого света, что указывают на север, юг, восток, запад, с тоннелем от входа, откуда в ночь виден сияющий блеск Полярной звезды.

Сзывались по зову, призыву сердца свободные люди от долин по обе стороны Нила. В горных залежах на правом берегу Нила тесались, шлифовались с точностью каменные блоки, что при укладке каждого из них он, с гордым именем Хемиун, лично проверял их точность, срывая каждый волос, дабы не просунулся он между щелей. Так он и вовсе останется без волос.

На огромных плотках через Нил перевозили точно обтёсанные, отшлифованные известняковые, каменные глыбы, затем на левом берегу на каменных шарах, катках, деревянных салазках, вцепившись сотнями, тысячами о толстые верёвки, катили к месту. А там, на правом берегу Нила, тем временем продолжали и продолжали рубить камни, тесать, шлифовать их до полной точности, чтобы не смог между щелей протиснуться его каждый волосок, его, именуемым гордым именем Хемиун.

Вера – исключительная особенность разума, души, психики человека этого мира! Вцепившись цепкой хваткой, вера движет вперёд. Именно стойкая вера по убеждению, именно невероятное слияние разума с волей, непреклонной волей!

Это дело доверено свободному человеку, дело возведения дома вечности, священной пирамиды ставленника от бога Хора – бога лазурного и чёрно звёздного неба, самого бога воинов, каковым и является фараон, рождённый властвовать над свободными людьми Чёрной земли, как и над их рабами. Как высоко стояло в Египте значение иерархии! Потому это и есть дело свободных людей, а не рабов. И эта надежда, и эта вера в то, что лучшего достигнуто в небесных долинах солнечных богов. И потому предали всего себя сияющей надежде и твёрдому убеждению постижения лучшей доли. То было состояние массового сознания, столь характерное для этого мира, состояние массового, твёрдого сознания, отмечающего, разметающего всякое сомнение. То было ли верховенство над рассудком, также столь характерное для людей этого мира? Единый порыв слияния разума с волей!!!

И вот оно возвысилось на все времена, его творение, его чудовище от разума. О, первое по списку из семи чудес света!

Верхушку пирамиды венчает пирамидон из красного гранита. Поверх всех каменных блоков в аккурат сложены облицовочные, полированные известняковые плиты. Их тщательно натирали перед укладкой. А затем всю ночь то и делали, что накрывали одной огромной сшитой циновкой из множества циновок, по его указанию.

Прибыл сам Хуфу, сам несубети, принадлежащий Тростнику и Пчеле, сам небтауи – повелитель обеих земель, фараон Верхнего и Нижнего Египта. Прибыли верховные жрецы, прибыл и этот, именуемый Амун, из всех самый изощрённый в искусстве, мастерстве угнетения взглядом.

Ждали восхождения бога Ра на огненной колеснице до самого пика, и в самый зенит, дабы раскрыть взору дворец вечности, над которым он изначально корпел над папирусом, производя расчёты точно по предписанию самой геометрии, выводя каждую грань до тончайшей точности. И вот Ра на самом пике, и он на вершине, к которой шёл двадцать лет. И вот оно – торжественное остриё судьбы!

Обдало всех ослепляющим сиянием золота от лучей божественной колесницы Ра, когда скинута огромная циновка. Взмолванный трепет прокатился над долиной левобережья вели-

кого Нила, великой реки всего Верхнего и Нижнего Египта. Из всех домов вечности это было чудо, как триумф инженерного расчёта, как гений архитектуры! Его золотистый свет ещё сотни, сотни, ещё тысячелетие будет озарять от рассвета до заката всё вокруг, куда лишь окинет взор. Ибо и натираться будут плиты каждодневно и тщательно, и даже тогда, когда у власти пребудет пятая династия фараонов, ставленников гелиопольского жречества от бога солнца Ра, столь враждебная Хуфу, и не будет такого же прежнего ухода, однако ж, не потускнеет свет гениального творения.

Ничто не властно над временем, ничто, и когда через две тысячи лет в веке пятом до нашей эры настоящего летоисчисления по календарю григорианскому, во времена правления фараонов двадцать седьмой династии – царей ахеменидов, объявится в долине вечных домов из Великой Греции – Эллады путешественник, историк Геродот Галикарнасский, то предстанет перед ним сие творение от гения не сияющей позолотой, лишь бледно желтоватым отражением. И дойдёт сия великая усыпальница, как пирамида Хеопса, таким вот греческим уклоном имени Хуфу, великого ли царя, фараона, принадлежащего Тростнику и Пчеле несубети, повелителя обеих земель небтауи. И будут под наносным ветром времени, ветром истории, снесены, унесены облицовочные плиты на постройки, на другие нужды и так далее. И будет под наносным ветром времени ограблено, разграблено первое из семи чудес света разного рода грабителями, авантюристами и так далее. История не запомнит, не запишет их бесславные имена, чьи разумы и души и ногти, и следов пылинок не стоят того, чей разум замечательным достоинством и бессмертием времени торжественно ль вознёсся в Историю одной из самых немеркнущих и славных вершин от гениальности...

– Знай, Хемиун, не долины солнечных богов, твоё творение придаст бессмертие имени Хуфу, – услышал рядом тихий голос, принадлежащий одному из верховных жрецов, превозносящему имя Амун.

Как-то содрогнулся он в сиянии торжественного мига счастливой ли судьбы, услышав такие слова, неугодные уж всем солнечным богам. Такое может говорить лишь он, заставляющий толпы цепенеть своим цепким взглядом, подобно нильскому удаву, взошедшему на тропу воинственной охоты на всякую мелочь, расплотившуюся по обоим берегам великой реки. Да, многие жрецы способны человека поодиночке увести в долину снов, но властно господствовать над толпой может лишь он, этот Амун, который не трогает одного лишь несубети, самого Хуфу, будто лелея таким вот оберегающим крылом.

Прошёл день, прошла ночь, и вновь наступило утро, как спохватились того, кто мог насладиться унынием или же придать силы на невероятные поступки. Нигде не было этого, одного из верховных жрецов, именуемого Амун. Следующей ночью Хемиун взгляделся в застывшие в сиянии звёзды чёрного неба, но посреди них не увидел сияющую звезду, ту колесницу, снующую между звёздами.

* * *

То был ли мерный прибой, плеск тихих волн моря, где вдали над ровным горизонтом покоилось красное предзакатное солнце. То залиvisto ль нежные переливы чарующих неведомых птиц, скрытых из виду, могли навеять умиротворённое спокойствие. Но он ли здесь в бурном приливе бодрости, неожиданно нахлынувшей на волне ли сокровенно чистой ауры.

Стоило оглянуться, но где, же, эта скамейка подле скверика, где мартовский день, где ветер, едва ль колыхнувший голые ветки акаций? Другое, но как прекрасное!

– Круговая стереоскопическая панорама, телеприсутствие, виртуальная телепортация... – тихий её голос раздавался где-то сбоку, что оглянулся, обрадовался, увидев её рядом, что понемногу стало покидать его состояние шока, однако, изумление оставалось.

Тот, что предстал недавно образом трёхмерной скульптуры в реальном ли пространстве парю, стоял невдалеке перед ними на золотистом пляже у самого берега лазурно синего моря, за его спиной извилистой линией очерчивался плавный полёт чайки ли, но белой птицы, похожей на неё. То перед ними тот самый монстр от единоборства, который спас его вместе с отцом, который вернул честь, выставив обидчиков должным образом. Перед ними в молчании предстал тот, кто был старшим другом вот этой девушки, красотой которой всё, же, шокирован вот так и разумом, и сердцем юношеским.

Такая виртуальная телепортация, такое вот 5D-присутствие вряд ли достижимы с современного мобильного, айфона, смартфона, гаджета, планшета, но с её миниатюрной коробочки случилось это, что выдающимся инженерным вызовом так и представится за гранью реальности, возможно, обозначится лишь в будущем. А тем временем молчание продолжалось. Волевые скулы старшего товарища в данный момент её спутника в этом поле невероятности застыли, лишь взгляд, в котором никак не угадывался взгляд воина, как в тот раз, чёрным блеском выразил одно внимание к нему ли, но в их сторону. И, странное дело, девушка и этот её старший друг продолжали молчать, затем этот мужчина повернулся, отвернулся и пошёл... по волнам синего моря, вот так по волнам вслед за уходящим далеким предзакатным солнцем. И растворился в красно багровом зареве у горизонта над лазурной синевой. И плеск тихих волн...

Порыв ветра вернул его, прежде всего, его в прохладу ранней весны и в городскую сутолоку, ещё более обнажив голые ветви акаций, эту скамейку возле скверика, но самое главное, и она всё также была рядом, никуда не ушла, не исчезла, не растворилась. О, как радостно забилося сердце! Но что было это? Но вряд ли до анализа, когда опять её тихий мелодичный голос на этот раздавался в реальности родного города:

– Ты не против, поехать со мной за город?

– Да нет, конечно! – пылко и сразу согласился он.

Как-то доводилось ему один раз видеть по телевизору, как некие красавицы служили вот такими наживками для разных юношей, молодых, не молодых мужчин, заманивая, а потом злое дело довершали опытные бандиты всякого разного рода. Но нет, не в этом случае, как с ней, да притом после такого сеанса связи, какого, пожалуй, нет нигде.

Шли они мимо скверика, заворачивали за огромный никогда не стриженный тополь, когда она проговорила как бы между прочим, будто себе, не ему:

– Да, мир не совершенен, далеко до идеала разума...

Стоило ли вдуматься в её слова, когда он был окрылён одним тем, что находится рядом с красавицей. Если бы увидели одноклассники, одноклассницы..., ох-хо-хо...

Отошли от скверика, подходя к каким-то гаражам, остановились у самого края, где приутился на этот раз к стриженному тополю какая-то легковушка. К нему и вела она. К эйфории радужного настроения, к такой бочке мёда как бы добавилась ложка дёгтя в виде вот этой, однако, обшарпанной легковушки отечественной марки, слегка ли краска местами обшелуполилась. И на такой машине красавица?!

Ну ладно, не наживка, бандиты не пользуются такой машинёчкой. Может, от этого немного облегчение. Опять в памяти всплыла та передача, что смотрел по телевизору. Но ведь старший её друг спас его, этот старший друг, ушедший по волнам за горизонт синего моря, там, где он только что побывал, полным изумления. А ведь у него сплошь хорошие оценки по предметам, и это в выпускном классе, потому и должен понимать, что был свидетелем невиданной, невероятной связи. но вот эта аура, это неожиданное нахождение рядом с ней притупило, намного притупило всякое средоточие от логики.

Тем временем она остановилась, примерно, в трёх метрах от легковушки, давно составленной со временем. И он остановился. Что ж, и на таком можно поехать за город.

Она остановилась, стояла ли в ожидании, но затем повела в воздухе распростёртой ладонью от себя дугообразно, затем и взмахнула резко вниз. А дальше стало происходить... чудо, что никогда невозможно, никогда...

Эта обшарпанная легковушка, казалось, протёртая временем, на глазах деформировалась, трансформировалась и, кажется, превращалась из гадкого утёнка в прекрасного лебедя, как в мировой классике великого Андерсена, но это превращение, по сравнению с оригиналом, шло не месяцы, секунды. И представало перед ними совсем иное, совершенное, гениально совершенное. О, это был изумительный концепт-кар! Как и само всё действие.

Мог ли предположить Эрик, что было задействовано дистанционное управление квантовой компьютерной, транспьютерной составляющей данного автомобиля, точно ли волшебным образом представший его изумлённому взору уж невероятно феноменальным авто от самого переднего края научно-технических, лабораторно-технологических изысканий?! Мог ли предположить Эрик, что в данный миг он стал свидетелем элегантности «подвижного дизайнера!», когда заданная внешность этой чудо машины, меняется, изменяется по желанию водителя в силу каких-либо внешних условий, факторов?! Вряд ли мог предположить он, что над этой передовой инновационной разработкой усердно корпят, трудятся в неистовом напряжении технического, технологического интеллекта сотни, тысячи инженеров, конструкторов ведущих автомобильных корпораций мира. Вряд ли мог предположить он, что данная концептуальная модель с подвижным дизайном, этот, в данный миг, роскошнейший «селф-драйвинг» кар, состоял не из застывшего металла, а из термопластической смолы, как воплощение идеи, подобно растению, выращенного автомобиля из семени лабораторного органического волокна, что в разы прочнее стали, и легче пластика в разы.

Это была далеко не абстрактная концепция, что истинно клэйтронной материей от наноструктур гениально вовлекаясь, облекаясь в мощнейший суперкар, что такой вот стекающей формой водной капли так и изготовилась именно на неистовость движения, только приказы! Как огненно грациозный скакун высоко изысканной породы! Это ли одна из лучших вершин инженерии?!

5

Prosto-mania27. livejournal.com Интересные артефакты.

Реактивный самолёт из Южной Америки.

В 1954 году правительство Колумбии отправило часть коллекции древних золотых изделий в США для экспозиции в местных музеях. Эммануэль Штаубс, один из ведущих ювелиров США, изготовил копии шести колумбийских предметов. Пятнадцатью годами позже их исследовал Иван Сандерсон. Заключение Сандерсона было ошеломляющим: один из предметов является моделью скоростного самолёта по крайней мере тысячелетнего возраста.

Длиной около 5 см, предмет носился как кулон на цепочке. Учёные отнесли изделие к периоду Сину, доинкской культуре Южной Америки и датировали его 500 – 800 гг. н.э. И. Сандерсон и доктор Артур Пойсли из Аэронавигационного института Нью-Йорка заключили, что предмет не изображает некое крылатое животное. Это скорее механизм, нежели живое существо. Например, передние крылья имеют дельтовидную форму и обрезаны под прямым углом.

Руль не характерен для животных, зато обычен для самолёта. Он треугольной формы и расположен перпендикулярно крыльям. Только рыбы обладают вертикально расположенными хвостами, но ни одна из них не имеет только половину хвоста, «растущего» вверх. На руле колумбийского «самолёта» прослеживаются какие-то знаки. У современных самолётов на этом месте расположены знаки принадлежности к авиакомпании. Учёные признали письмена похожими на арамейское или раннее еврейское письмо. Это может указывать, что «самолёт» не

был изготовлен в Колумбии, и его привезли с Ближнего Востока. Но где в первом тысячелетии нашей эры люди могли видеть самолёт, чтобы отлить его изображение в золоте?

* * *

Будь по улицам родного города старая обшарпанная легковушка отечественной марки, с такой облезлой краской кое-где, то оглядывались бы многие водители разных роскошных иномарок, каковых на улицах абсолютное большинство, посреди которых отечественные марки чуть ли не ралитет, оглядывались бы на них с таким подобием брезгливости что ли. Мол, чего путается под ногами.

На улицах родного города водители многих роскошных иномарок, каковых на улицах абсолютное большинство, посреди которых отечественные марки чуть ли не ралитет, оглядывались на них с удивлением, изумлением, ибо, ох как, шикарно и величественно катил чисто «селф-драйвинг» авто лёгкой, воздушно прозрачной, каплевидной конструкции, изящно обгоняя всех и всех. Порхал ли он, не то слово, он парил, летел по асфальту, всё-таки, хорошему асфальту городских дорог.

Конечно, скорость была превышена во много, много раз, о чём не раз регистрировали видеорегистраторы, а когда у обочины с близости успел их усмотреть вот такой всесильный инспектор ГАИ, то взглядом, лицом покрылся сначала таким вот покровом удивления, что реакция сначала запоздала, а когда спохватился, то воз уж поныне там. Звук свистка и то бы не угнался.

О, это был изумительный концепт-кар!

Совершенно продвинутая система управления автомобилем. Его загадочная спутница, вроде бы водитель этого чудо авто, на самом деле никак не рулила, ибо и не было руля, как такового, ибо водителем являлся компьютер, невидимый компьютер, скорее, встроенный где-то изнутри, а может и сам авто и был заодно компьютером. Исключительность вождения исключала любую возможность ДТП в виду фактора прогнозирования любой ситуации. Сходил ли с конвейеров ведущих автомобильных гигантов мира данное чудо кар?

На лобовом стекле дополненной реальностью высокого разрешения отражались показатели скорости, предначертанная линия маршрута с детальной информационной навигацией и онлайн нахождения данного концепт-кара на заданной линии. Названия проспектов, улиц, номера домов, онлайн движение всех автомобилей отображались ясно, служа отличной шпаргалкой для того, кто незнаком с данным городом. «А из нашего города ли она?» – в изумлённом мозгу его успела пронестись такая мысль, дабы затем и утонуть в лавине восхищения от езды, от такого чувства полёта по лакированному ли асфальту родного города. Жаль, что никто из знакомых, из одноклассников не видит этого.

Вот и город позади. Намного поредела вереница автомобилей. И вот тут-то Эрик стал замечать что-то не такое, а когда через восхищение эмоций стало доходить до него то, что творится на самом деле, от того охватило его ещё более возвышенно изумлённое восхищение, что разом и дух перехватило на много, много порядков превышая то состояние, что эйфорией посетило раньше. Ибо встречные тополя не проносились мимо, как раньше, они всё более и более растворялись понизу, под ногами. Да, они оказались, были на высоте в прямом смысле этого слова.

Асфальт за городом не такой гладкий. От этого ли? Качество дороги не имело смысла. Напрямик. Но куда?

Планирующий автомобиль свободно левитировал над землёй, набирал направление на северо-восток, где мало дорог, редки поселения. Мог ли знать он, что сверхпроводящие магниты невероятной мощности под днищем этого летающего суперкара настроились на противо-

положность общепланетарной гравитации. Не видел, кто мог бы удивиться, изумиться, кто бы настроил видео мобильного на их неестественный полёт, кто мог бы и воспринять их за НЛО.

Полчаса полёта без встречных самолётов, вертолёт, что редки в этом направлении, всего полчаса, как полёт совершался над тайгой, что внизу сплошь сосны, пихты, лиственницы, лиственные деревья позади, поближе к долинам, а так всё и есть то самое зелёное море тайги. И он – пассажир, безмолвный, безвольный, лишь переживающий этот длительный ли миг, но ведь не во сне, понимает, что не во сне. И сколько же продлится полёт без крыльев?

Ещё несколько минут, и плавно покатило концепт-кар на приземление, ничуть не пикируя на деревья. Где-то посреди них успел заметить маленькую сплошь каменистую поляну, что бывают в тайге. А так всё сосны, пихты...

Приземлились посреди высоких сосен, точнее сибирских сосен, в кедровом, как за лобовым стеклом предстал перед ними что-то наподобие дома. Не предстал, скорее, они предстали. И если это дом, то огромный дом, занимающий громадную площадь по всей каменистой поляне, дом, вряд ли имеющий второго аналога, где бы то ни было.

Никто не предположит, что крыша данного дома, что видом была схожа на огромную водную каплю, методом тонкоплёночной технологии, отображала вверх в воздух изображения деревьев, сосен, пихт, что пилоты редких самолётов, вертолёт, по большей части пассажирских, да грузовых, если и обратят внимание, то увидят сплошь густые игольчатые кроны таёжной флоры. Маскировка ли, точное воссоединение с ландшафтом, что и птицы ошибутся.

Никто не предположит, что данный, опять же каплевидный дом состоит из программируемой материи, способной по желанию, команде компьютера, встроенного в стены, менять структуру, форму, само физическое свойство. И этот дом изящного дизайна, этот «умный» дом в одном месте в данное время как бы преображался цветистыми волнами, что затем прекратились, предъявив им дверь, вход внутрь.

Всю дорогу он молчал, по своей ли воле, и в данный миг Евгеника – одна из хозяев этого ли волшебного дома, как понимал он, молча, жестом приглашала войти внутрь. Он повиновался, даже радостно, едва ли сдерживая любопытство. Когда вошли, зарыбились за ними цветистые волны, исчезла дверь, возможно, по мановению невидимого компьютера, изменив физическое свойство, форму, саму структуру.

6

Стандартная модель не истина в последней инстанции.

Чёрное звёздное небо прекрасно, обворожительно, звёздное небо неведомой бездны Вселенной. Звёзды, звёзды, туманности, галактики. И она там, сокрылась от любопытствующего взора, вскинувшему в ночи взглянуть, обозреть таинственность мрака, расцвеченную мерцанием далёких звёзд, дабы предстать вооружённому глазу, вооружённому разуму той, что заставит сжаться пытлиное сердце трепетно, взволнованно точно ли пугающей стремниной, ровно ли очерченной линией над волнами бушующей бездны Вселенной. Случайно ли истечение случайного обстоятельства? Неужели такое возможно? И это ли опровержение..., как плод искусственности?

Ось зла? Как справедливое воззрение на Вселенную? Ориентир, куда направились структуры Вселенной? Петля суперструн вселенского масштаба? Каково ж рождение Мира?

На одной из планет одной жёлтой звезды, именно жёлтой звезды, а не красного гиганта или карлика, не ослепительно белой или иссиня свергрячей звезды лазурной, вскипело редкое варево химического бульона. Дистанция имеет значение, само расстояние от жёлтой звезды спектрального класса G, именно этого класса, а не какого-нибудь другого, каковых, однако, во Вселенной много.

Именно этой планете, третьей по счёту от звезды, суждено было оказаться в той тонкой струе, именуемой вожделенной «зоной Златовласки», вожделенной зоной, тонко настроенной на появление жизни. Никак не в счёт многочисленные астероиды, несущие, не несущие бактерии, всё дело в ней, планете, оказавшейся именно в этой зоне Златовласки, в которой вода всегда в трёх состояниях: лёд, пар, жидкость. И именно жидкость. Потому от химического бульона и вознеслась на высоту жизнь, углеродно-белковая жизнь.

Тихо в роскошно зелёной долине Инда. Неспешно идут горожане по ровным улицам города, где дома сплошь из обожженного кирпича. Вдоль стен проложены каналы с чисто прозрачной водой, что всегда утолишь жажду. Расцвели пышно персики. Степенны горожане в делах своих, потому не снуют, потому степенны, что важен видом город, как все города Хараппской цивилизации. Богат он, торгующий на западе с городами Месопотамии. И жизнь размеренна...

Звёзды рождаются не в один миг. Миллион лет имеет значение. И тысяча лет для разума.

Неимоверный гром посреди ясного дня под чистым куполом светло лазурного неба могло быть изумлением неожиданным, чего не последовало. Заложило уши, а далее открылся взору безумно яркий свет, ослепляющий свет, и огни, огни без дыма. Тени в раз приковались к стенам от разом испепелённых тел. Вскипела чистая вода каналов, тогда как камни, кирпичи домов оплавлялись, как и песок ровных улиц, под гнётом огня, жары источаясь, превращаясь в мутное, зелёное стекло...

То это ли конец света? Увидел ли взор под небо распростёртый огромный гриб...?

И опустел оазис изобилия. И долго простирался умертвляющий газ, уничтожающий покровом радиоактивности...

То было за 2600 лет до нашей эры, то было в Мохенджо-Даро.

* * *

Он попал в другое время года, да оказался в другом климате, точно в субтропическом. Но ведь дом, крышей сплошь из кедров, сосен, пихт находился посреди тайги в пору ранней весны, когда под деревьями не растаял до конца снег, черноватый снег. И был вечер, тогда как за порогом недавно миновал полдень. И опять впечатление...

Цветность невообразимо ярких красок, их оттенков расступалась перед видом, что открылся, раскрылся величественно перед ними. Синее море. Невысокие волны рябили, издавая едва ли слышный мерный прибой под шелестом тихого ветра. Вдали над ровным горизонтом как бы разливалось предзакатное солнце, огромный красный шар. То залиvistо нежно ль чарующие мелодии неведомых птиц навевали вожделенность, умиротворение. Но он ли здесь в бурном ли приливе бодрости, неожиданно нахлынувшей на волне ли сокровенно чистой ауры?

Дежавю? Да он же был здесь?! Да это, то же самое море, тогда, да сегодня на скамейке у скверика. «Круговая стереоскопическая панорама, телеприсутствие, виртуальная телепортация...» – так говорила она. Стоило оглянуться, но нет, нет, не окажется снова в прохладе ранней весны. Но она рядом, и это главное, потому продолжал смотреть в восхищении ли то, что развернулось перед ними.

Красное багровое зарево у горизонта над лазурной синевой. Спусти ли миг и что-то появилось, неторопливо вычерчиваясь, превращаясь в силуэт человека, в котором он узнавал старшего товарища своей спутницы на данное время, того самого монстра единоборств, того истинно мастера, который тогда спас его, как и его отца, потому в сердце прилив благодарности. А силуэт шевельнулся, он шёл вот так по волнам, направляясь к ним от той стороны уходящего предзакатного солнца в багровом зареве у самого горизонта над лазурной синевой. Но шёл ли он, будто левитировал над волнами, точно как недавно их чудо концепт-кар воспарил над загородным асфальтом.

– Здравствуй, Эрик, – приветствовал старший товарищ его прелестной ныне спутницы, затем пожимал руку сильно, крепко, но ощущалось при этом доброе пожатие, опять, же, удивляя при этом знанием его имени, но ведь говорил, знакомился именно с ней.

– Я сообщила ему, – точно предугадав лишь тихо, будто ответила она на его немой вопрос.

– Зови меня Софос, – представился тем временем старший товарищ, который выглядел искренне добродушным, что не узнать бы в нём того самого монстра или мастера единоборств.

Опять странное имя. Хотя, и его-то имя к заурядным, обыкновенным также вряд ли стоит отнести. Но добродушие старшего друга возвело на более вершину и без того прекрасную ауру. Потому как-то наступила некая расслабленность.

Тем временем багровый шар, солнце укрылось за горизонт, уступая фиолетовости сумерек, кое-где возгорались первые звёзды над ними простёршимся темноватым небом, тогда как над морем ли тихого прибоя оставалась немного звёздная синева. Но чуть позже освещалось восходом полной луны, но и забрезжил свет откуда-то, подсвечивая золотистый пляж, где уже, изумляя Эрика, вырастали стулья, стол, приглашая, скорее, на мерно задушевную беседу, нежели на ужин.

Стоило ему заострить знания ученика выпускного класса, уж твёрдо на «хорошо» успевающего по всем предметам. Но что придёт на ум, когда четвёрки, пятёрки по математике, три закона Ньютона по физике, войны, революции по новой, новейшей истории, экономическая география зарубежных стран с её экономическими показателями, ах да, атомы молекулы из химии, физики, это как-то поближе. Вдобавок призвать на помощь его величество Интернет. И в миг в памяти отобразились социальные сети «В контакте», «Одноклассники», и конечно, музыка, которую не прочь скачать, и конечно кино, которое тоже не прочь скачать. Конечно, вспомнит ещё многое и многое. Но точно он оказался в необыкновенном доме. При всей реалистичности вечернего моря, понимал, что он находится в замкнутом пространстве, потому что открывалась овальная дверь, потому что входил вместе с ней. И если бы не этот неоспоримый факт, то это прекрасное море с тихим шелестом, плеском ровных волн показалось бы истиной в своём существовании.

– Мы находимся в доме окружающего разума, – продолжила просвещать его Евгеника.

– Да, да, умный дом, я как-то видел одну передачу по телевизору... – озадаченно вторил Эрик.

Вроде наступало время, озадачиться. «Но почему в тайге?» – так и сквозанула мысль, что решил сначала, однако, с осторожностью оглядеться.

– Считаю, что мы олигархи, – опять же был предопределён его вопрос, на этот раз её старшим другом.

Олигархи, считать их олигархами? Скорее так, судя по обстановке, когда стулья, стол вырастают на глазах, когда автомобиль жестом руки превращается во что угодно, когда он летает над землёй. Что же до него..., трёхкомнатная квартира его семьи в пятиэтажке, как называют ещё «хрущёвка», когда-то была роскошью, где подъезд, однако, обшарпанный, стал запирается железной дверью, когда каждая семья обзавелась ключами, чтобы посторонние не распивали там всякий портвейн и так далее, чтобы какой-нибудь не нашёл в подъезде приют. Понимал, что у новых его знакомых и в автомобиле, и в этом доме, почему-то затерянном в тайге, ничего не обходится без компьютерной, транспьютерной системы. Видел по телевизору что-то подобное, что будет в будущем, особенно в Японии, в авангардной стране, что касается новинок, всяких новинок технического характера. Но в данный миг он находился здесь, в этом истинно футуристическом доме. Во сне ли? Но нет, не во сне, потому что осязает, чувствует всеми пяти чувствами ясно, осознано всё вот это волшебство ли, что вроде тоже не мираж, далеко не мираж.

– Концепция окружающего разума, – водила жестом вытянутой руки вокруг Евгеника, когда все они втроем садились за столик на берегу синего моря, когда стул, на который он сел, подлаживался под точную конфигурацию его тела, его спины, чтобы доставить удобство, – единая система разумных отзывчивых приборов с дистанционным управлением. Технология искусственного интеллекта для умного дома.

– Понимаю, всё управляется компьютером, и я думаю, что... – и как-то замялся Эрик.

– Нейрональный, квантовый компьютер с параллельной архитектурой.

Да, конечно, никакое сравнение с компьютером в его доме. Сколько лет прошло. Тогда купили, чтобы было не хуже, чем у других, наконец-то компьютер, такой стационарный с таким громоздким процессором. Ох, радости-то было! А отец уже тогда начинал пить. И когда он совсем подросток, то компьютерная техника выросла ещё быстрее. У ровесников были ноутбуки, гаджеты, айфоны, смартфоны, конечно же крутые, навороченные мобильники, тогда как он довольствовался самым дешёвым, чтобы мог позвонить родителям, в основном матери. И потому-то он учился рьяно, но и был способным, но до круглых пятёрок всё равно не хватало. Учился, чтобы выйти в люди, как говорят. Что ж, ему из пролетарского круга стоило вырываться. «Но где, же, сам компьютер?» – мгновенность мысли присуща каждому.

– Он везде, – обвела взглядом Евгеника, но прежде вот это синее море, плеск тихих волн, – у тебя желание удостовериться в его функциональности.

Эрик закивал согласно, тогда Евгеника, как в волшебной сказке, как и в тот раз с автомобилем, лишь провела рукой, лишь подобным жестом, как зарыбились волны, легко воспламенились, взметнулись цвета, и стихло, вряд ли перед бурей, но проглядывалось другое, а синее море исчезло.

Он вздрогнул, услышав чью-то речь. А перед ними уже развернулась совсем другая панорама, в которой легко угадать бульвар какого-то города, по которой прогуливались, не обращая на них внимания, люди, их присутствие ощущалось по настоящему, не как в кино. Но прислушался к непонятной речи. В школе изучает немецкий, но мог отличить английский, французский, испанский, итальянский. И отличил. То была великолепная французская речь, что исходила от неспешных пешеходов. Но что за город? Как будто видел этот город, эту улицу, бульвар...

– Об этом городе написано много книг, картин, сняты фильмы... – завораживающий голос гида, комментатора, мелодии голос Евгеники придавал ещё более шарма в, несомненно, красоту, что представала перед ними. – «Праздник, который всегда с тобой!» – так восхищался этим городом Эрнест Хемингуэй.

– Париж, – едва ль тихо выдохнул Эрик.

– Да, перед нами Елисейские поля. Париж, всегда Париж!

– И это компьютер?

– Виртуальная телепортация на фундаменте клэйтроники. Панорамное парио. И раз получилось так, что мы сидим за этим столиком у самой кромки Елисейских полей, то не заказывать ли, нам поесть что-нибудь такого, – к мелодичности голоса Евгеники добавилась утвердительность.

– Да, можно было бы, – не преминул согласиться с ней Эрик, слегка ощутив голод в желудке, с утра не ел, а дело давно к обеду.

Евгеника точно как в ресторане щёлкнула пальцами, и, снуя между парижанами, шёл по Елисейским полям человек в изысканном фраке, вот добавить бабочку..., шёл к боковому тротуару, то бишь к ним, неся поднос на вытянутой руке. Прохожие удивлённо переглядывались на него, именно с удивлением, что могло означать полную реальность знаменитого бульвара, хотя, истина была далека, даже не было её, как понимал Эрик. Но вот это 5D-присутствие, такая круговая стереоскопическая панорама уже сформировали впечатление истинной реальности посредством высочайшей безочковой технологии, что дало зрению такой изумительный

эффект созерцания. А тем временем так называемый, предполагаемый официант, подойдя к их столику, расставлял приборы, тарелки, в которых ещё дымились по котлете, к тарелочкам по бокалу, однако, ... с красным вином.

– Это вино, – наконец-то заговорил за столиком его спаситель, мастер единоборств, в данный миг далеко не монстр, как тогда. – Французское вино Шато Сосьяндю Мале, раз уж мы находимся на Елисейских полях, – уловив недоумение в его взгляде, старший друг продолжал, – можешь попробовать, твои ровесники давно потягивают пиво, давно балуются сигаретками, а то и курят вовсю. Но вот такое вино никто из них не пробовал, а ты хоть раз выпил алкогольного?

– Да, один раз, так, рюмку водки из любопытства, – отвечал обескуражено Эрик.

– И как?

– Да, так.

– Понимаю, в твоём возрасте ребята вовсю тусуются, но как вижу, ты не из них, и делаю вывод, что у тебя определённая цель..., да, надо, нужно вырваться тебе, потому что так устроен мир...

Молчание было точным отображением точного угадывания, такого вывода, правильности его слов. И взгляд Евгеники как-то добавлял что ли такого перцу в данные секунды, подчёркивая его никчёмность, его такое низкое происхождение, будто оказался в окружении аристократов высоко небесного происхождения, что он вот такой из грязи ещё больше и затупевался.

– Я предлагаю тебе действительно хорошего вина как друг, – в словах Софоса выразилась искренность, что как-то успокоила его.

Тем временем официант ли подавал ему бокал. На секунду взгляды их встретились. И как-то не по себе стало Эрику. Что за взгляд, что за выражение? И опять смутился он.

– Он не человек, – в миг замешательства услышал он голос Евгеники, что вывел его из лёгкого оцепенения.

– А кто...? – так и выдохнул он.

– Робот-андроид.

– Но как? Я видел по телевизору роботов-андроидов в Японии. Но они далеки от человека. Движение ещё не то.

– Он другой, другая технология.

Глоток изысканно французского вина, глоток Шато Сосьяндю Мале ничего не говорил, не объяснял ему, но, однако, вернул к тому прежнему настроению восторга, когда находился рядом с ней на скамейке у скверика. И, главное, продолжает находиться рядом с ней в ореоле удивительного бытия, и, вдобавок, у него теперь и новый друг, да ещё какой. Потому с лёгкостью в душе пора было налегать на котлету, которая оказалась очень вкусной, как надо, из фарша говядины и свинины вперемешку.

– Я думаю, к котлете ещё и бууза добавить, пусть плотный сытный обед будет, – говорил весело Софос, ныне и его старший друг.

И опять знаменитый бульвар пересекал официант, на этот раз другой официант, другой робот-андроид, также неся на вытянутой руке поднос, но на этот раз пешеходы не оглядывались удивлённо на него. На подносе исходил ещё свежий пар от буузы, от этого истинного чемпиона из всех блюд бурят-монгольской кухни.

– Изумительное блюдо, отличное изобретение, истинно смак, – проговаривал Софос, давая вот такую оценку, действительно, одной из вершин кулинарии.

Обед закончен, испарился тот слегка голод, когда не поел с утра, когда позавтракал спешно.

– Ну, как? – спрашивал Софос, тоном, в котором весёлые нотки как бы продолжали игру.

– Вкусно, сытно. Спасибо, – немного смущённо, но искренне поблагодарил он за вкусный обед.

– Конечно, ты этого не знаешь, но я должен сказать, что ты ел синтетическое мясо, такое вот искусственно культивированное мясо из биопринтера.

– Это как? – опять вырвалось удивление, – а никак не отличить. Мясо, как мясо, фарш, как фарш.

– Конечно, похвально, даже очень здорово, что ты не пьёшь, не пьющий, а то в твоём возрасте на каждом углу. И про это я должен сказать, должен сказать о том, что это изысканное французское вино тоже синтетическое, повторённое атом к атому с оригиналом, которое в глубоких подвалах выдерживают годами опытные виноделы. Конечно, будь у нас в гостях какой-нибудь гурман, то он оценил бы по-своему это изделие, что биореактор постарался точно воссоздать то самое брожение, что бывает, происходит в прекрасных долинах Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.